

Фитонимические «фантомы» в русской народной культуре

Некоторое время назад при проведении серии психолингвистических экспериментов, направленных на выявление психологической реальности, присущей смыслам базовых концептов народной культуры, студентам-филологам были заданы среди прочих вопросы: «Как вы себе представляете *цветочек аленький* из одноименной сказки С. Т. Аксакова?», «Почему *цветочек аленький* — это диковинное чудо?» Недоумение у экспериментаторов вызвали цветовые характеристики стимула: *синий, синенький, фиолетовый, лиловый*. Парадоксальные, на первый взгляд, ответы не были, тем не менее, единичными и составляли около 10 % выборки. Что это? Свидетельство неусвоенности значения колоративов? Известно, что паронимазы *алый* и *лиловый* довольно часто в речевой практике смешиваются. Возможно, однако (если учесть состав испытуемых), мы видим факты своеобразной культурологической рефлексии по поводу вымышленной фитонимической реалии, своего рода фантома. В психологическом плане фантом обычно рассматривается как нечто не существующее в стимульной реальности. Применительно к народной фитонимии фантомами, на наш взгляд, можно считать культурно коннотированные номинации, характеризующиеся референтной диффузностью и отражающие стереотипные представления народа о чудодейственных растениях.

К таким фантомам в русской народной фитонимии могут быть отнесены, например, *разрыв-трава, пострел-трава, одолень-трава, перенос-трава* и другие номинации, выражающие идею чудесных свойств растений-целителей, помощников и т. п. В данном разряде лексики «работают» типовые мотивационные техники, которые создают «ономасиологический фундамент», отражающий «свойства названной словом реалии (точнее, составляющие наивного понятия о реалии), концептуализированные в языке» [Березович, 2014, 19] и в совокупности представляющие некий культурный гештальт.

Ср.: *пострел-трава* — «Трава пострел растет при борах в марте, апреле и мае. Ту траву рвать в апреле 22, 9 или 23 числе, в то место положить индейское яйцо. Та трава вельми добра носить при себе, и дьявол бежит от того человека. Кто станет избу ставить — положи под первое угольно бревно — добро будет» [Флоринский, 1879, 7]; *разрыв-трава* — растение, с которым связано множество мифов, она «будто бы режет железо, ломает замки и добывает клады» [Даль, 1851, 123]: «... на которой траве в Иванову ночь коса переломится, та и есть разрыв-трава <...> держит цвет лишь столько времени, сколько нужно, чтобы прочесть “Отче наш”, “Богородицу” и “Верую”» [Ермолов, 1902, 341]; если ее положить на наковальню, кузнец не сможет ковать железо, если в реку бросить разные травы, то она одна поплывет против течения, и т. д. [СД, 4, 396]. Известны мифологические сюжеты, включающие в разной степени детализированные «алгоритмы» взаимодействия с разрыв-травой. См., например, один из множества вариантов: «Добывали разрыв-траву с помощью черепахи, гнездо которой огораживали частоколом из гвоздей. Черепаха, чтобы попасть к своим детям, уползала в темноту и откуда-то приносила во рту разрыв-траву. Тогда наблюдатель подходит смело к гнезду, берет траву и врезает ее в ладонь левой, но не правой, руки, иначе тогда ему нельзя будет держать в правой руке оружие» [Забылин, 1880, 67].

Можно заключить, что трава кладоискателей (как и другие приведенные выше примеры) — это только фантом, появляющийся в процессе восприятия признака жесткости, характерного для листьев высушенного растения, которым можно даже чистить и полировать металлы. Механизм метафоризации при этом основывается на пересечении профанных и сакральных характеристик растения, которое при гиперболизации его специфического свойства вписывается в сюжет традиционных народных представлений о растениях-целителях, обладающих чудодейственными сверхъестественными свойствами, помогающих в разных ситуациях, в частности — позволяющих реализовать мечту разбогатеть, найдя клад.

Приведем некоторые аргументы, подтверждающие существование стереотипов «народной прагматики» фитонимических фантомов:

1) наличие весьма длинных синонимических рядов номинаций мифологического растения, отражающих разные его чудесные свойства (ср., например: *разрыв-трава* — *спрыг-трава*, *скакун-трава*,

травя прыгун, травя огонь, недотрога, не-тронь-меня, ключ-травя и др.);

2) приписывание имени самым разным, часто непохожим растениям (ср. существование нескольких версий, согласно которым *разрыв-травой* называют бальзамин обыкновенный, некоторые разновидности папоротника, камнеломку обыкновенную и др.; ни одна из версий не представляется бесспорной, поскольку описания растения в разных источниках существенно расходятся: называется цвет от рудо-желтого до сине-фиолетового (желтый, кровавый, алый, красный, огненный, жар-цвет, лиловый); место произрастания (как правило, сакрально маркированное) — болото, темный бор, чаща, широкая степь, заброшенный пруд, перекресток трех (пяти, семи) дорог и т. п.);

3) включенность фитофантомов в широкий культурный контекст и представленность их в разных кодах культуры (кроме народной языковой традиции): в магических и бытовых практиках, в ритуальных действиях народной медицины и традициях русских народных травников и лечебников и др.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.

Даль В. И. Учебное руководство для военно-учебных заведений. Естественная история. Ботаника. 2-е изд. СПб., 1851.

Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 1 : Всенародный месяцеслов. СПб., 1902.

Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.

СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. М., 2009.

Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI–XVII столетий. Казань, 1879.